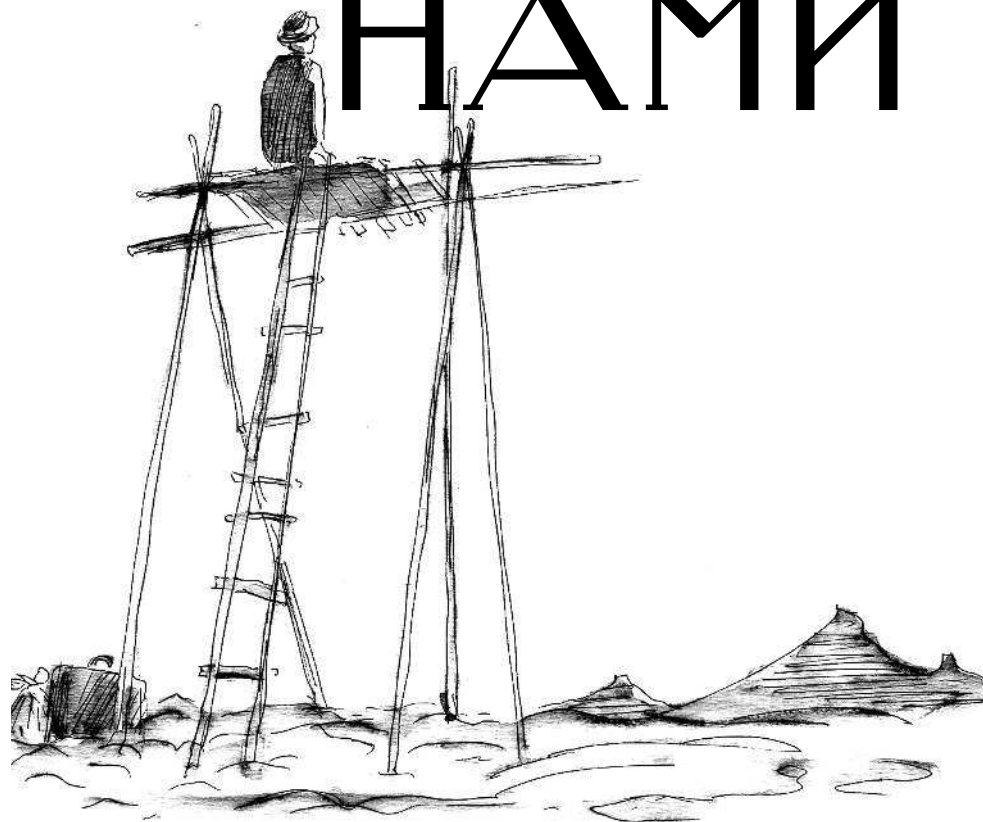

МАРИНА МОСКВИНА

МАРИНА

МЕЖДУ НАМИ

МОСКВИНА

ТОЛЬКО
НОЧЬ *ПОВЕСТИ*

ШЕ
РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНЬ ШУБИНОЙ

МОСКВА АСТ

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М82

Художник АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО

На переплете акварель ЛЕОНИДА ТИШКОВА “Спящий на птице”, 1987,
из коллекции Екатеринбургского музея изобразительных искусств.
В книге использованы рисунки ЛЕОНИДА ТИШКОВА

Москвина, Марина Львовна.

М82 Между нами только ночь : повести / Марина Москвина. — Москва :
Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2019. — 378, [6] с. — (Классное
чтение).

ISBN 978-5-17-114775-4

Марина Москвина — автор романов “Крио”, “Роман с Луной”, “Гений безответной любви”, книги рассказов “Моя собака любит джаз” и множества других. Финалист премии “Ясная Поляна” и лауреат Международного Почетного диплома IBBY.

Каждая строка прозы Марины Москвиной — строчка на лоскутном одеяле мира. То веселая, то грустная, про жизнь людей, мечтающих о счастье, — неисчерпаемую, полную печали, юмора, удивительных приключений и любви, преодолевающей пространство и время.

Что это? Большие рассказы? Повести? А, может быть, песни фаду — страстные, пронзительные, слегка наивные, спетые на языке человеческого сердца, который вечен и одинаков для всех на свете...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-114775-4

- © Москвина М.Л., 2019.
- © ООО «Издательство АСТ», 2019.
- © Бондаренко А.Л., художественное оформление, 2019.

Содержание

Г'М

7

ЛЮБЛЮ ТЕБЯ ВОСЕМЬ
ДНЕЙ В НЕДЕЛЮ

113

ЗЕЛЕННЫЕ ГОРЫ
И БЕЛЫЕ ОБЛАКА

165

ОСТРОВ

219

Я УХОЖУ, КАК ВОЗДУХ
МЕЖДУ ПАЛЬЦЕВ

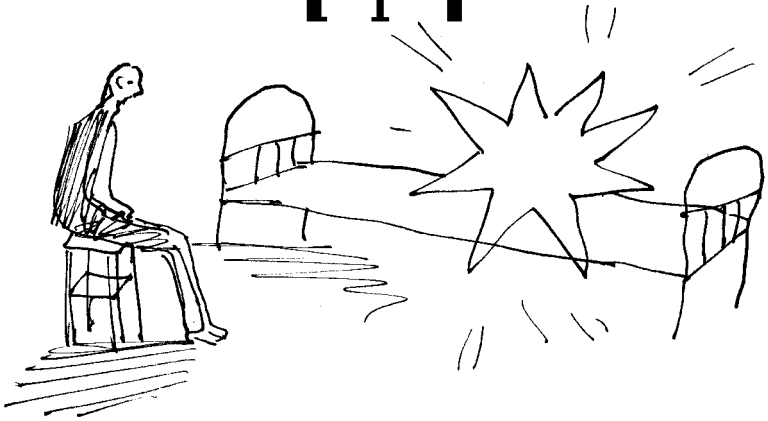
299

МЕЖДУ НАМИ
ТОЛЬКО НОЧЬ

321

I'M

НА книжную ярмарку добирались непросто. Рейс на Франкфурт, специальный чартер для российских участников, методично откладывался. Восемь часов цвет нашей литературы фланировал по аэропорту. Многие в преклонных летах, натурально аксакалы: в зале ожидания запахло валокордином.

Писатель Анатолий Приставкин, кроме всего прочего, советник президента по вопросам помилования, оплот международного движения за отмену смертной казни, позвонил в оргкомитет — выяснить, в чем дело.

Молодой бодрый голос ответил Анатолию Игнатьевичу:

— А что вы хотите? Писатели должны знать жизнь!

Днем позже Эдуард Успенский, глядя на сияющие разноцветными огнями стенды иностранных издательств, в сравнении с нашими — в буквальном смысле слова без огонька, шутил, что у нас другие задачи: *нам главное... взлететь.*

Во Франкфурте меня поселили в номере со Светланой Василенко, мы спали на широкой супружеской кровати, что нас очень сблизило. Совместное житье в двухместных номерах во Франкфурте было сюрпри-

зом для российских писателей, но не для всех приятным. Цветущая Настя Гостева очутилась в номере с поэтом Еленой Шварц, одной из ведущих фигур ленинградской неофициальной культуры семидесятых и восьмидесятых годов, та беспрерывно курила, и Настя, глубоко сознавая прану, понимая толк в пранаяме, взбунтовалась.

Поджидая Успенского, чтобы вместе отправиться на ярмарку, я увидела Настю у стойки администратора. Та пыталась объяснить простому немецкому пареньку, что им трудно с Еленой Шварц дышать одним воздухом, и нельзя ли составить иную констелляцию?

Их союз оказался, увы, нерасторжим, так что Настя, огорченная, вышла на улицу, тут очень кстати подоспел Успенский, и я представила ему Гостеву, хотя мы с ней не были знакомы.

— Откуда вы меня знаете? — спросила она сумрачно.

Мир был в раздоре с ней, и она не спешила принимать пальмовую ветвь.

Я выказала искренний восторг ее повестью об Индии “Travel Агнец”. И поскольку я старая Герда с огромным опытом растапливания заледеневших сердец, Настя быстро оттаяла, и мы уже весело шагали втроем, обсуждая, куда бы мне предложить мое собственное скитание по Индии — “Небесные тихоходы”.

Недолго думая, Настя решила познакомить меня с Ириной Мелдрис из “Софии”, а там, бог даст, и с Олегом Вавиловым.

— И если у вас путешествие не из комнаты в кухню, а — всё-таки ПУТЬ, — она авторитетно заметила: — это их заинтересует.

Ира до вечера была занята, и мы с Настей, прогуливаясь по Набережной музеев, забрели на выставку живописи обнаженного женского тела.

— Какие они теплые, — сказала Настя.

Мы стояли на мосту и глядели, как под нами струился, вздыхал и шевелился Майн, пока не проклюнулся бледный закат, погода так себе, накрапывал дождь, но Майн честь по чести алел и золотился, с криком носились чайки, ложились крылом на ветер. Пора было ехать на свидание с Ирой.

Не придавая значения этой встрече, я следовала за Настей, как перезрелый птенец, который до конца дней своих будет полагаться на импринтинг (обычно я следую за Лёней по всему миру, а тут мне сам бог послал Настю!). Мы явились первые, по-птичьи устроились на парковочных цепях и так сидели, покачиваясь; любимое занятие — глазеть по сторонам в незнакомом городе, аборигены, озабоченные, спешат по своим делам, а ты бездельничаешь и наслаждаешься каждым мгновением.

Настя говорит:

— Вон она идет.

Я обернулась и тут же увидела ее среди прохожих. Наверное, у всех так бывает — при первой встрече, когда она несет в себе историю любви: ты очень сильно присутствуешь в моменте, хотя всё совершается само собой, без усилий, не знаешь даже как. Просто чувствуешь, как начинает другой циркулировать воздух, неуловимое изменение судьбы.

Всё исчезает куда-то, остается лишь это существо, источающее свет, больше ничего.

Право слово, она шла так свободно, легко, почти не касаясь асфальта, как будто все тяжести мира, все

путы и привязи и загромождение земли ей были вообще неведомы.

Наверное, припустил ливень, иначе зачем мы зашли в магазин и купили мне зонтик, а заодно каждому по кульку марципанов? Окольными дворами явились в какой-то культурный центр и посидели минут пятнадцать на очень умной лекции по экономике. Однако, разобравшись с марципанами, Ира произнесла фразу, которая привела меня в восхищение. Она сказала:

— Какой нудный перец!

Мы тихо выскользнули в бар и неожиданно встретили там давнего поклонника Насти, который на радостях взял нам по пятьдесят абсента.

Мир остановился.

Абсент на людей действует по-разному. Не знаю, как мои спутницы, я, с лету приобщенная туйоном к тайнам иных измерений, ощутила гармонию, счастье и полнейшую эмпатию.

Кругом были рассыпаны крошечные чудеса и маленькие улыбки, подающие нам знаки, мы слушали музыку в глубине вещей, веселились, что-то рассказывали друг другу, вибрации проходили сквозь нас, не встречая никаких преград, — лично я этим франкфуртским вечером с большим размахом праздновала “выход из Матрицы”, двери моего восприятия были очищены горькой полынью, Сущее, как говорил Уильям Блейк, явилось мне таким, какое оно есть — бесконечным, а понятие времени, и так в моем случае не вполне отстроенное, вконец потеряло всякий смысл.

Поздно вечером возвращались “домой” в метро. Ире — еще ехать и ехать, мы с Настей махнули ей на

прощание платком. Поезд тронулся, я обернулась. Ира внимательно и без улыбки смотрела на меня из окна. Так несколько секунд мы серьезно смотрели друг на друга, и если взгляд можно было бы перевести в слова, он означал: это *ты* — или не *ты*?

На другой день вместо ярмарки я задумала экскурсию в Ботанический сад. Как-то распогодилось, и на писательский “подиум” выходить не хотелось. К тому же это слово ассоциировалось у меня с одной историей. Дело было в девяностых. Дина Рубина, с юных наших лет чувствуя ответственность за мою писательскую судьбу, направила меня к израильскому нуворишу по фамилии Зильберштейн, прибывшему в Москву с благородной целью добыть материал для глянцевого издания, учрежденного им с дальним прицелом: чтобы его праздная дочь хоть чем-нибудь занялась кроме околачивания груш. Набоб остановился в “Палас Отеле” на “Киевской”, куда я и направила стопы, со своими рассказами под мышкой.

Зильберштейн открыл дверь и, смерив меня глазом, неожиданно произнес:

— Рост?

— Один метр пятьдесят восемь сантиметров, — ответила я, не дрогнув.

— Мало, — он поморщился. — Объем груди? Объем бедер?

Этой информацией я не располагала.

— Ой, ладно, — махнул он рукой. — Давайте ваше портфолио.

Клянусь, я понятия не имела, что это такое.

— Хотя бы фотографии, где вы на подиуме? — настаивал он. — Я же просил принести портфолио!

Тут пришла, видимо, еще одна писательница, ужасно длинная и худая, словно лоза или кипарис. Ни на секунду не удивившись, она оттарабанила свои объемы, и шестое чувство подсказало мне, что параметры этого автора его устроили куда больше, чем мои. Когда же он затребовал *портфолио*, и она выудила эту штуку из пакета, сомнения развеялись — я попала на кастинг манекенщиц. Дина потом говорила — ну и что? Да, Шмулик Зильберштейн вздумал открыть журнал мод, но там предполагались разные рубрики, я тебя прочила в “детский уголок”. Что ты как дикая серна? Подождала бы еще немного — глядишь, вослед кипарису явилась бы Таня Толстая, она бы ему показала “портфолио”!

Короче, подиум.

А моя Света Василенко:

— Иди-иди! Придут на Улицкую, заодно и на тебя посмотрят.

На подиуме в нашу компанию затесался поэт, сочинивший одно из тех стихотворений, которые раз повстречаешь — и осядет в памяти, растворится в подкорке, умирать будешь — вспомнишь. Время от времени оно всплывало строками из какого-то древнего эпоса, и вот те на! — принадлежало перу Вадима Месяца:

Это не слезы — он потерял глаза.

Они покатались в черный Хевальдский лес.

Их подобрал тролль.

И увидел луну.

Увидел луну и сказал:

луна.

Она подороже, чем золотой муравей,
И покруглей, чем мохнатый болотный шар.
Чтобы не плакать, нужно скорее спать.

Откуда ни возьмись появилась Настя. Всё утро она гуляла в зоопарке, любовалась семейством шимпанзе.

— Пошли, — сказала она. — Я тебя познакомлю с Олегом Вавиловым, и ты отдашь ему свою рукопись.

Олега было не застать, одна деловая встреча плавно перетекала в другую. На стенде “Софии” мы встретили Иру, правда немного квелую в сравнении со вчерашним днем. С утра она пережила тренинг “Путь воина”, где было объявлено, что духовный воин проверяется по горловой чакре: если пущенная из лука стрела угодит ему в яремную ямку, истинному победителю тьмы это будет трын-трава. Кто готов?

Вышла Ира и встала перед ним, сияя потаенным светом.

Я живо представила картину: стриженная под мальчика, непонятного возраста — я промахнулась на десять лет, решив, что ей нет и двадцати пяти. (“А как же моя мудрость?..” — воскликнула она.) Правильные черты, “нарядный рост”, гармоничное сложение. Древние обитатели Индии, высокие и светлоглазые арии, могли бы взять на себя ответственность за ее генетический код.

Казалось, она даже немного стеснялась своей красоты, сознательно умеряла ее, как это делал поэт Мацуо Басё, пытаясь в скитаниях ослабить, смягчить свой поэтический дар.

Она нарочно притормозила на пороге взрослого мира, почуяв, что его блага предполагают некую косность сознания, и выбрала гибкость, чувствитель-